

Введение

Великая трансформация

В течение полувека, с 1620-х по 1670-е годы, земли по обе стороны Атлантики пережили глубокую трансформацию. Еще в 1620 году заселение территорий Америки, создание плацдармов в Африке, ведение трансатлантической торговли, войны или мирное сосуществование с коренными народами оставались преимущественно прерогативами стран Пиренейского полуострова, однако в последующие десятилетия всем этим также стали заниматься англичане, французы и голландцы (Dutch)¹. Пока

¹ Английский этноним Dutch, родственные немецкому Deutsch, как правило, обозначает жителей всей территории современного Королевства Нидерланды и государственный язык этой страны (нидерландский). Давно сложившаяся практика перевода термина Dutch на русский как «голландский» или «голландцы», а также неотъемлемое для разговорного русского языка отождествление голландцев со всеми жителями сегодняшних Нидерландов не вполне точны (некорректны) с исторической точки зрения, поскольку Голландия является лишь одной из их провинций. В то же время топоним «Нидерланды» и его производные создают отдельную сложность для переводчика. В Средневековье «Низменными землями» на северо-западе Европы называли территорию, которая в целом совпадает с сегодняшними Нидерландами (Северные Нидерланды) и Бельгией (Южные Нидерланды). Новое государство на территории Северных Нидерландов, возникшее в конце XVI века в ходе борьбы за независимость от империи Габсбургов, официально называлось Республикой Соединенных провинций — Голландии, Зеландии, Утрехта, Гронингена, Гелдерланда, Оверэйссела и Фрисландии. Ведущая политическая и экономическая роль в Соединенных провинциях, безусловно, принадлежала Голландии, что в итоге и определило ее отождествление с современными Нидерландами, поэтому термин The Dutch Republic нередко переводится как «Голландская Республика» (см., например, русское издание капитального труда Джонатана Ирвина Израэля «Голландская Рес-

деятельность испанцев и португальцев в Новом Свете концентрировалась в Мексике, Перу и Бразилии, участники более поздних этапов колонизации создавали процветающие поселения на Малых Антильских островах и в Северной Америке. И если для Испании экономическим мотивом существования ее империи была добыча драгоценных металлов (у Португалии, правда, были иные соображения), опорой для многих колоний, основанных народами Северо-Западной Европы, становилось производство товарных сельскохозяйственных культур. По мере того как фундаментом этих новых колоний начало становиться рабство, происходило все большее включение Африки в пространство взаимодействия по обе стороны Атлантического океана — в «Атлантический мир»². Важную роль в этой «великой трансформации» играли голландцы, причем не просто в силу того, что они основывали собственные колонии и торговые форпосты. Скажем прямо: собственными силами голландцы в середине XVII столетия производили незначительные объемы плантационных культур — однако они повсеместно присутствовали в качестве

публика. Ее подъем, величие и падение. 1477–1806» (М.: Клио, 2017–2018)). Все эти нюансы необходимо учитывать в контексте событий, описываемых в книге Вима Клостера, поскольку существенную роль в колонизации Атлантики в XVII веке сыграла не только Голландия, но и другие провинции, в частности Зеландия. Переводчик, безусловно, во многом следовал существующей практике перевода термина Dutch как «голландцы» или «голландский», в особенности применительно к давно сложившимся терминам наподобие «англо-голландские войны». В то же время в переводе учтены многочисленные случаи, где отождествление Голландии и Нидерландов либо неочевидно, либо попросту некорректно, например, когда автор делает акцент на других провинциях Северных Нидерландов и их жителях. — *Прим. пер.*

² В современной историографии набирают обороты трансатлантические исследования (transatlantic studies), в центре внимания которых — экономические, социальные, политические и культурные связи между Старым и Новым Светом (которые не ограничиваются традиционными связями двух Америк и Европы, но включают в Атлантическое пространство и Африку). Работа Клостера изначально велась в данном направлении — его можно рассматривать как историка Атлантики в широком понимании, а не историка-страноведа, изучающего конкретно Соединенные провинции Нидерландов. — *Прим. ред.*

купцов, продававших рабов и мануфактурные товары, закупавших продукцию и предоставлявших займы, невзирая на границы между колониальными империями. Роль голландцев в жизни всех прочих атлантических империй была столь велика, что действия нидерландских купцов спровоцировали принятие англичанами Навигационных актов³ и появление португальской системы трансатлантических экспедиций⁴. Также внесли свою лепту в резкий подъем экономики сахарных плантаций во французских колониях Карибского бассейна первые шаги шведов и датчан в африканской работорговле и появление еврейской диаспоры в Карибском регионе и Северной Америке. Вклад голландцев в развитие Атлантического мира демонстрирует, что его историю невозможно полноценно понять, сосредоточившись лишь на истории заморских владений отдельных стран. Каждая из колониальных держав имела разнообразные связи с другими империями. Торговля между ними носила принципиальный характер для многих территорий Америки, а культурное влияние, войны

³ Навигационные акты представляли собой важный элемент протекционистской политики английских властей. Первый подобный акт был принят парламентом 19 (по принятому в Англии на тот момент юлианскому календарю — 9) октября 1651 года и запрещал ввозить в Англию и ее владения колониальные товары на любых судах, кроме тех, что принадлежали англичанам или жителям английских колоний; товары из Европы могли ввозиться либо на английских кораблях, либо на судах страны происхождения товара. Таким образом, акт наносил удар по голландской посреднической торговле и стал одной из причин первой англо-нидерландской войны 1652–1654 годов. В августе 1660 года Палата общин приняла аналогичный закон, при этом условия акта ужесточались: англичане должны были составлять не менее 3/4 команды ввозившего товар корабля. В 1663 году новый «Акт о поощрении торговли» требовал ввозить в английские владения иностранные товары лишь на судах, «построенных и погруженных товаром в Англии и Уэльсе», — товары должны были пройти английские порты, где с них взимались пошлины. Навигационные акты принимались и позднее (1696 год), окончательно были отменены в середине XIX века. — *Прим. ред.*

⁴ Существовавшая в XVII–XVIII веках система защиты португальских торговых кораблей, которые конвоировались в колонии и обратно как в целях защиты от каперов, так и в целях контроля маршрутов португальских торговых судов. — *Прим. ред.*

и пограничные споры формировали дополнительные связи между находившимися по соседству владениями европейских держав.

Появление голландцев в Африке и на Американском континенте также оказало сильное воздействие на политические структуры индейцев и африканских народов. Например, в 1640–1650-х годах поставки нидерландского огнестрельного оружия позволили ирокезам разгромить своих врагов. Еще один похожий сюжет связан с вапмунами — бусами из раковин моллюсков, которые голландцы продавали коренным жителям Северной Америки, а те использовали их в дипломатических целях, ценили эти изделия как престижный предмет обладания и придавали им мистическое значение. Спрос на вапумы, рост которого спровоцировали голландцы, вел к экспоненциальному росту их производства местными мастерами, и эта производственная революция представляла собой один из аспектов перехода индейских экономик от натурального хозяйства к рынку. Не менее значимые последствия имела деятельность голландцев на юго-западе Африки. Овладение голландцами портом Луанды (ныне — столица независимой Анголы) способствовало изменению расстановки политических сил на этой территории и привело к трансформации ареала, в пределах которого велась охота на африканцев, в итоге попадавших на корабли европейских работорговцев (см. [Richter 1983: 538; Otto 2014: 90–93; Heywood and Thornton 2007: 145]).

Эта книга посвящена звездному часу Нидерландов в истории Атлантики — тем нескольким десятилетиям в середине XVII века, когда голландцы оказывали максимальное в сравнении с предыдущими или последующими периодами влияние на Атлантический мир. Случившаяся в этот момент «великая трансформация», возможно, была неизбежной, но без голландцев она оказалась бы отложенной во времени и имела бы иной характер. Важную роль, которую играли голландцы в Атлантическом мире, признают некоторые историки из США, однако в силу нехватки сведений они зачастую либо принижают, либо преувеличивают их вклад. Напротив, работы нидерландских исследователей Атлантического мира, посвященные истории заокеанских территорий, традиционно оказывались в тени трудов их коллег, которые

изучали деятельность Нидерландской Ост-Индской компании (Vereenigde Oost-Indische Compagnie, VOC/ОИК). Кроме того, они предпочитали обращаться к каким-то отдельным колониям, тем самым преимущественно игнорируя общий «атлантический» контекст. В результате так и не появилось какого-либо исследования, в котором рассматривалось бы все многообразие устремлений, характерных для мира Голландской Атлантики. Именно эту лакуну призвана заполнить книга о звездном часе Нидерландов в истории Атлантического мира.

С легкой руки историков Нидерландская Атлантика часто упускается из виду, оказываясь незаметной из-за того внимания, которое уделяется другим колониальным империям. В итоге за голландцами остается единственная зримая роль посредников, «случайных игроков», перебравшихся за океан. Надеюсь, мне удастся исправить это неверное представление, причем не просто за счет добавления еще одного «имперского пласта» в историю Атлантики, а благодаря более полному пониманию Атлантического мира XVII века в его целостности. Очевидно, что в свои начинания в Африке и Америке голландцы приносили собственные институты, правовые практики и культурные традиции. Способы, при помощи которых они выстраивали свой колониальный проект, также отличались от образа действий их европейских соперников. Если последние формировали свои атлантические империи «на импровизационный манер», то голландцы фактически руководствовались совершенно целенаправленными планами. Ситуационный характер решения испанцев о вторжении в империю ацтеков, непреднамеренное открытие Бразилии португальцами, столь же случайная колонизация англичанами Бермудских островов и Новой Англии, частные инициативы французов в Карибском бассейне — все это контрастировало с тщательно выстроенным голландцами «Великим замыслом». После 1621 года в этом процессе стали доминировать военные задачи. Такие ключевые базы голландцев, как Эльмина и Кюрасао, не говоря уже о Бразилии, были завоеваны после скрупулезных приготовлений.

С другой стороны, действия голландцев не были чем-то исключительным. Если атлантическая империя Испании с самого на-

чала была сухопутной и основанной на избыточных трудовых ресурсах коренных народов, то империи Португалии и Англии сохраняли свой океанский характер на протяжении многих поколений, пока наконец также не трансформировались в сухопутные структуры. Этот переход состоялся в момент изменения задач колониальной стратегии — от контроля над торговлей к управлению товарным производством. Подъем Португалии как имперской державы в Бразилии предполагал территориальную экспансию и происходил постепенно на протяжении XVII века, тогда как Англия вышла на эту стадию лишь в середине XVIII столетия. Хотя у историков за империей голландцев закрепилось определение «морской» или «торговой», Вест-Индская компания (ВИК) — акционерное предприятие, управлявшее нидерландскими владениями в Атлантике, — привлекалась и к созданию сухопутной империи. Мечта о вытеснении Испании из Америки, выступавшая движущей силой для ряда нидерландских экспедиций в Новый Свет, была тесно связана с завоеванием Потоси — горнодобывающего центра в Верхнем Перу, на глубинных территориях Южной Америки. В свою очередь, управление Потоси потребовало бы навыков построения сухопутной империи, и, хотя этот замысел так и не воплотился в жизнь, после завоевания голландцами Бразилии стимулы к такому типу империализма снова вышли на первый план. Очутившись в самой большой зоне производства сахара в тогдашнем мире, голландцы поддались «имперскому искушению». То же самое произошло и в Ост-Индии, где пряности стали соблазном для завоевания голландцами районов их выращивания и контроля над территориями.

Атлантическая империя голландцев была создана военным путем. Использование вооруженных сил в заморских предприятиях было продолжением — порой неожиданным — растянувшейся на десятилетия войны против испанской монархии под властью династии Габсбургов⁵. Размах развернувшихся за океаном

⁵ Имеется в виду шедшая во второй половине XVI — первой половине XVII века борьба нидерландских провинций против испанской монархии, окончившаяся расколом исторических Нидерландов на две части. В то время как на

войн между голландцами и пиренейскими державами — войн, которые сначала придали Нидерландам энергию, а затем обессилили их, — сложно переоценить. Крупнейшим межимперским конфликтом в Атлантике XVII века была война в Бразилии, хотя прежде историки недооценивали это событие. Их воображение было захвачено «второй Столетней войной» — схваткой за глобальное первенство между Францией и Британией, длившейся с 1689 по 1815 год, — и в работах последнего времени эта тенденция выразилась во всплеске интереса к Семилетней войне. Однако предшествующие ей конфликты между атлантическими империями не пользовались значительным вниманием. Как следствие, стало преобладать сомнительное представление о том, что мир был нормальным состоянием, а война — исключительным событием.

Война с Испанией была одним из множества вооруженных конфликтов в Атлантике XVII века с участием голландцев — основное же бремя войн с Нидерландами на суше и на море в действительности несла Португалия (это происходило в период ее унии с Испанией). Впрочем, после того как португальцы восстали и вернули себе независимость⁶, в области нидерландско-португальских отношений ничего не изменилось. Голландцы умышленно захватили португальские владения в Африке и Бразилии, развязав очередную войну, которая продлится несколько десятилетий. Впечатляющим полем битвы Атлантика

юге сохранились католицизм и власть испанцев, на севере власть взяли в свои руки протестанты, а семь северных земель (Голландия, Зеландия, Утрехт, Фрисландия, Гронинген, Гелдерланд и Оверэйссел) составили ядро Республики Соединенных провинций, независимость которой была признана Испанией сначала де-факто (1609 год), затем и де-юре (1648 год), что обозначило конец войны. В нидерландской историографии эти события именуются Восьмидесятилетней войной (*нид.* Tachtigjarige oorlog), в то время как российскому читателю они более известны как Нидерландская революция. — *Прим. ред.*

⁶ Имеется в виду испано-португальская война 1640–1668 годов, в ходе которой была расторгнута существовавшая с начала 1580-х годов личная уния Испании и Португалии, а престол последней получил король Жуан IV из династии Браганса. В португальской традиции она именуется Войной за восстановление (*порт.* Guerra da Restauração) независимости страны. — *Прим. ред.*

вновь станет в ходе второй и третьей англо-голландских войн⁷, спровоцированных преимущественно торговой конкуренцией. В итоге Нидерландская Америка оказалась на грани уничтожения, и, хотя ей удалось выжить, расширить ее территорию не получилось во время войны между Соединенными провинциями и Францией⁸, когда Атлантический мир опять сотрясали сражения.

Многочисленные вооруженные конфликты с участием голландцев демонстрируют, что середина XVII века была для Атлантики не просто временем новых начинаний — это был период постоянных войн. Англичане и французы точно так же, как голландцы, приступали к колонизации Нового Света и захвату плацдармов для работоторговли в Западной Африке, однако их появление по ту сторону Атлантики начиналось относительно мирно. Напротив, приход голландцев сопровождался невероятными актами насилия. Внимание к событиям, связанным с голландцами, демонстрирует, что несколько десятилетий середины XVII века отнюдь не были временем мирной колонизации Нового Света (в особенности мигрантами с Британских островов) — этот процесс был совершенно кровавым. Насилие было «повивальной бабкой» всей «великой трансформации».

Особенно бросается в глаза следующий аспект военной составляющей Нидерландской Атлантики. В населении нидерландских колоний в Атлантике доля солдат и моряков, которые защищали и расширяли имперские рубежи, была выше, чем в других империях. В голландских торговых форпостах вдоль побережья Африки колонистов не было вовсе, а в Америке доля мирных пере-

⁷ Накануне и в ходе второй (1665–1667 годы) и третьей (1672–1674 годы) англо-нидерландских войн велись активные боевые действия не только в европейских водах, но и в колониях. — *Прим. ред.*

⁸ В современной нидерландской историографии встречается термин «Сорокалетняя война» (*нид.* Veertigjarige oorlog) — период противостояния Республики Соединенных провинций могущественной французской монархии Людовика XIV в ходе трех масштабных войн: Голландской войны (1672–1678 годы), Войны Аугсбургской лиги (1688–1697 годы) и войны за испанское наследство (1701–1713 годы). — *Прим. ред.*

селенцев всегда оставалась незначительной. Но сколь бы скромными ни были эти американские поселения, они в любом случае испытывали сложности с самообеспечением. Зависимость колоний от поставок продовольствия из метрополии сохранялась, к тому же эти поставки часто задерживались. Нехватка провизии была привычным делом для солдат нидерландских гарнизонов, к этому добавлялись другие лишения. Для колониальных властей, ВИК и Генеральных штатов эти гарнизоны, несмотря на их ключевое положение в атлантической империи Нидерландов, обычно не были предметом первоочередного внимания. Пренебрежительное отношение к ним в конечном итоге привело к тому, что солдаты отказывались сражаться, из-за чего некоторые колонии были утрачены.

Еще одной отличительной особенностью Нидерландской Атлантики было то, что большинство мигрантов по своему происхождению были горожанами и не имели навыков ведения сельского хозяйства. После утраты Бразилии и Новых Нидерландов руководство ВИК полагало, что голландцам не удалось бы добиться больших успехов в земледелии на территории колоний — в отличие от англичан, которые оказались великолепными колонистами, о чем свидетельствовало случившееся незадолго до этого преобразование Барбадоса⁹. В то же время директора ВИК подчеркивали, что голландцы были первоклассными

⁹ Gründlicher Bericht von Beschaffenheit und Eigenschaft, Cultivirung und Bewohnung, Privilegien und Beneficien deß in America zwischen Rio Orinoco und Rio de las Amazonas an der vesten Küst des in der Landschafft Guiana gelegenen... Landes [Детальный отчет о состоянии и качестве, обработке и заселении, привилегиях и льготах земель, расположенных в Америке на континентальном побережье Гвианы между реками Ориноко и Амазонкой. — нем.] (Frankfurt: Wilhelm Serlin, 1669), 30–31, 39.

(Заглавия большинства первоисточников XVII века, цитируемых в книге, переведены при помощи автора. Перевод заглавий анонимных источников дается в постраничных сносках, перевод заглавий авторизованных источников приведен в библиографии, где они с одобрения автора вынесены в отдельный раздел. При повторном цитировании неавторизованных источников указывается номер главы и сноски, где приведен перевод их заглавий. — Прим. пер.)

торговцами: если одним столпом Голландской Атлантики было установление господства, то другим и правда выступала коммерция. Подъем нидерландской торговли в Атлантике начался в конце XVI века, и хотя в 1610-х годах она сократилась до скромных масштабов, в дальнейшем данное направление оказалось под патронажем ВИК. В отличие от своего более знаменитого «сородича» — ОИК, которая на протяжении всего существования сохраняла ключевые монопольные права, — Вест-Индская компания вскоре после появления из-за удручающе слабой коммерческой эффективности была вынуждена отказаться от большинства монополий.

Непреднамеренным последствием голландской колониальной авантюры в Бразилии стало то, что в середине XVII века ВИК превратилась во вторую в мире работорговую компанию. Уход голландцев из Бразилии не стал препятствием для продолжения торговли африканскими рабами — в действительности она расширилась, хотя конечными точками доставки рабов все больше становились территории Нового Света, принадлежавшие другим державам. Общий объем нидерландской коммерции в Атлантическом мире и правда значительно превышал масштабы торговли между портами и укреплениями, которые непосредственно принадлежали голландцам. По размаху своих операций в американских владениях Испании, Франции и Британии голландцы стояли особняком, кое-где постоянно превосходя купцов из соответствующих метрополий. Поэтому товарные культуры, появлявшиеся на нидерландских рынках — в особенности на рынке Амстердама, — поступали со всех уголков Америки. Кроме того, невольников, перевозившихся на голландских работорговых судах, часто загружали на их борта в портах и укреплениях на побережье Африки, которые не находились под нидерландской юрисдикцией.

Подобно тому как другие державы обустроивали свои атлантические владения при содействии голландцев, последние тоже формировали собственный Атлантический мир с чужой помощью. В нидерландских флотах и армиях служило множество иностранцев, которые преимущественно набирались из стран

северо-западной Европы. Огромное количество переселенцев в нидерландских колониях — порой их доля доходила без малого до половины населения — были уроженцами других стран Европы или Нового Света. Особенно впечатляющим фактом была значительная доля еврейских переселенцев в Нидерландской Америке, где их экономические достижения были неотъемлемым условием выживания колоний. Зачастую эти евреи и их семьи были выходцами из Португалии или Франции, которым удавалось вернуться к полноценному иудейскому образу жизни либо в Амстердаме, либо в нидерландских колониях. Иными словами, распространение иудаизма в Америке состоялось в Нидерландской Атлантике.

Голландцы не смогли бы добиться военных побед и без союзнических отношений с коренным населением, которые они тщательно выстраивали в Бразилии, Гвиане, Новых Нидерландах, Анголе и на Золотом Берегу. Нидерландская Атлантика действительно была подлинно межимперской, многонациональной и многорасовой структурой, хотя одновременно она представляла собой и империю, которая должна была приносить выгоды Соединенным провинциям. Поскольку основным *raison d'être* [смыслом существования. — *фр.*] ВИК было ведение войн, многие потенциальные инвесторы избегали приобретения акций компании, из-за чего ее первые военные экспедиции откладывались. Но лица, более склонные к авантюрам, отдавали предпочтение именно войнам, а не торговле, рассчитывая на быстрые прибыли, из которых можно было сколотить состояния. На протяжении большей части периода, рассматриваемого в этой книге, исключительно выгодным занятием было каперство. Излюбленным видом добычи каперов было серебро — по меньшей мере в те моменты, когда в качестве неприятеля выступали испанцы. А если единственным врагом из пиренейских держав оставалась Португалия, то главной мишенью оказывались корабли, перевозившие бразильский сахар.

Идеальными союзниками в некоторых начинаниях голландцев в Атлантике выступали коренные американцы. Нидерландские колонизаторы исходили из того, что Испания повсеместно ведет

с индейцами войну, поэтому ожидалось, что индейцы будут принимать голландцев с распростертыми объятиями. Правда, на практике отношения голландцев с коренным населением были сопряжены с трудностями. Погоня за золотом, немотивированное насилие, периодическое обращение туземцев в рабство — все это не красило голландцев в глазах проживавших по соседству коренных народов. В то же время их объединяли торговые связи, причем многие надежные и длительные отношения складывались на межличностном уровне. Религия едва ли была здесь точкой соприкосновения. В кальвинизм обращались лишь немногие индейцы, причем даже в тех случаях, когда нидерландские проповедники прибывали в Америку с двойной задачей — проповеди туземцам Евангелия и приобщения их к цивилизации. Малоуспешными оказались и попытки миссионеров обратить в кальвинизм африканцев как в их родных местах, так и в Новом Свете. Изначально чернокожие не воспринимались как рабы по самой своей природе, однако потребность в принудительном труде в Бразилии заставила нидерландских колонистов изменить свою позицию по этому вопросу. Любые возражения против рабства, звучавшие в различных выступлениях или печатных изданиях, в дальнейшем были отставлены.

В колониях представителям духовенства приходилось действовать в условиях, к которым они не были подготовлены. В целом Республика Соединенных провинций — несмотря на такое примечательное исключение, как Амстердам, — не отличалась религиозной терпимостью, однако для большинства колоний она была в порядке вещей. Свобода совести являлась принципом, установленным в рамках исходной административной структуры американских колоний. То там, то здесь религиозным группам, которые считались существенно важными для будущего той или иной колонии, даже предоставлялась свобода отправления своего культа, что обеспечивало сохранение гражданского мира. В то же время неспособность голландцев обеспечить обещанную веротерпимость могла дорого стоить.

Таким образом, описанный в этой книге исторический момент не только стал «дебютом» голландцев в качестве посредников

в Атлантическом мире, но и оказался важным самостоятельным этапом в истории этого региона, обеспечившим связь между эпохой до 1600 года, на протяжении которой преобладала экспансия пиренейских держав, и уже упомянутой «второй Столетней войной». Несмотря на краткость этого периода, он оказал разностороннее влияние на всю Атлантику. Точно так же, как голландцы в первых океанских экспедициях выступали в качестве учеников своих предшественников, другие державы вскоре усвоили нидерландские компетенции в мореплавании, картографии, обустройстве плантаций и работоторговле. Не только первые заморские владения Англии и Франции, но и уже сложившиеся колонии Испании смогли остаться на плаву благодаря коммерческой поддержке со стороны голландцев. В то же время вооруженные нападения нидерландской стороны, напротив, повлекли за собой череду жертв и внушали страх на многих территориях Испанской Америки, а затем и среди французских и английских колонистов. И хотя к концу 1670-х годов эта демонстрация мощи фактически сошла на нет, в дальнейшем голландцы не исчезли из Атлантического мира. Новая глава в нидерландской колониальной истории открылась под эгидой обновленной ВИК, которая утратила былой масштаб и лишилась военной составляющей. Остатки атлантических владений голландцев — к примеру, Эльмина, Кюрасао и Суринам — уцелели, пусть и не без военных столкновений. Но теперь голландцы играли противоположную роль: из нападающих они превратились в обороняющихся.

* * *

Несмотря на то что историки на протяжении долгого времени преимущественно оставляли Нидерландскую Атлантику без внимания, в последние десятилетия эта тема дала богатую почву для исследований. В частности, новый взгляд на ВИК представили Хенк ден Хейер в работе об организационной истории компании, Кейс Зандфлит в исследовании, посвященном использованию компанией географических карт, и Александер Бик, который, обратившись к методам микроистории, показал, что представ-

ляла собой ВИК, на материале 1645 года. Бенджамин Шмидт продемонстрировал важность Америки для сознания голландцев, Данни Норландер посвятил затрагивающий широкий спектр вопросов диссертационную работу духовенству Нидерландской Атлантики, а Марк Мёйвесе рассмотрел коммерческие и военные связи голландцев с африканцами и индейцами. Взаимодействие голландцев с индейцами также стало темой диссертации Лодевейка Хюлсмана, посвященной Гвиане. Шаг вперед в исследованиях Новых Нидерландов сделали Яап Якобс во всеобъемлющей монографии на эту тему, Виллем Фрейхоф в биографии моряка Эверта Вильямса — типичного представителя своей эпохи, Донна Мервик и Пауль Отто в работе об отношениях голландцев с коренными народами, а также Сусана Шоу Ромни, рассмотревшая взаимодействия голландцев с народами небелых рас. Богатый вклад в корпус работ о Голландской Бразилии внесли Эвалду Кабрал де Мелью и Михил ван Грусен, а на период господства голландцев в Анголе и на Сан-Томе пролила свет публикация работы Клааса Рателбанда, написанной несколько десятилетий назад. Наконец, в работе Филипы Рибейру да Силвы представлен новый взгляд на деятельность голландцев на побережье Западной Африки¹⁰. Но даже несмотря на все эти исследования, все равно не хватало общей работы о Нидерландской Атлантике, в которой рассматривались бы такие вопросы, как формирование обществ в заморских владениях, экономические начинания поверх имперских границ и стремление к созданию колониальной империи того или иного рода.

Еще одним необходимым уточнением является выдвигание на первый план Бразилии, которая превращается в центр Нидерландской Атлантики. Как это ни удивительно, но и для историков, и для неспециалистов наиболее известной голландской колонией

¹⁰ См. [den Heijer 1994; Zandvliet 1998; Bick 2012; Schmidt 2001; Noorlander 2011; Meuwese 2012; Jacobs 1999; Hulsman 2009; Frijhoff 1995; Merwick 2006; Otto 2006; Romney 2014; Cabral de Mello 1998; van Groesen 2009a; van Groesen 2010a; Ratelband 2000; Ribeiro da Silva 2011a]. Наиболее свежий на момент выхода этой книги обзор всемирной империи голландцев был представлен в работе [Emmer and Gommans 2012].

XVII века являются Новые Нидерланды¹¹, тогда как мало кто вспоминает о том, что одновременно под голландским владычеством находилась значительная часть Бразилии. Это внимание к Новым Нидерландам легко понять с точки зрения Северной Америки в целом и Нью-Йорка в частности. Однако любой историк, который потратит время на изучение архивов ВИК и Генеральных штатов либо обратится к публицистическим сочинениям того времени, легко обнаружит, что Новые Нидерланды имели для метрополии второстепенное значение, тогда как недостаточно изученная Нидерландская Бразилия была совершенно первоочередной территорией. Многие (пусть и не все) представители нидерландской политической и торговой элиты рассматривали Бразилию как главную колонию в Западном полушарии — отсюда и проистекала их готовность вести за эту колонию продолжительные, а порой, казалось, и бесконечные войны, для которых требовались десятки тысяч солдат и матросов. Поглощая человеческие ресурсы, затрачиваемые для ведения войн, Бразилия препятствовала развитию всех остальных нидерландских колоний и торговых форпостов, вместе взятых. О значимости, придаваемой Бразилии в то время, можно также судить по решению ВИК покорить Эльмину и Луанду — два главных координационных центра португальского владычества в Африке — с целью контроля над ключевыми пунктами африканской работоторговли, что было выгодно для Бразилии. Еще один красноречивый момент: базой для обоих этих завоеваний была именно Бразилия, а не нидерландская метрополия.

Несмотря на этот короткий период всего в три десятилетия, Нидерландская Бразилия оказала продолжительное влияние на

¹¹ Новые Нидерланды (*нид.* Nieuw-Nederland) — колония, основанная в начале XVII века в устье реки Гудзон и расположенная на части территории современных американских штатов Нью-Йорк, Нью-Джерси и Делавэр. Ее столицей был Новый Амстердам (современный Нью-Йорк). В 1664 году была захвачена англичанами, по мирному договору 1667 года официально передана последним, в обмен на Суринам. В 1673–1674 годах колония снова находилась под властью Соединенных провинций, однако по условиям Второго Вестминстерского мира возвращена англичанам. — *Прим. ред.*

Атлантический мир. После завоевания Пернамбуку голландцы впервые систематически включились в трансатлантическую работорговлю — в результате вплоть до 1803 года на их кораблях в Новый Свет было доставлено более полумиллиона африканцев. В то же время для евреев в Нидерландской Бразилии появились возможности свободно вести свой традиционный образ жизни на Американском континенте. Первые на его территории синагоги появились в Ресифи, после чего этот почин был подхвачен в других нидерландских и английских колониях. Первыми иудеями, которые перебирались в эти колонии, обычно были переселенцы из Бразилии и их родственники — именно так они становились основателями еврейских поселений в Карибском бассейне и Северной Америке.

Затратная военная авантюра в Бразилии, безусловно, внесла свою лепту в банкротство ВИК. Компания вязалась в колониальную экспансию в Южной Америке в тот момент, когда ее капитал уже был близок к исчерпанию, а шансы на ее финансовое оздоровление были утрачены навсегда в годы, когда губернатором Голландской Бразилии был принц Иоганн-Мориц Нассау-Зигенский. Капитуляция голландцев в Бразилии, состоявшаяся еще до того, как ВИК была ликвидирована, способствовала распространившейся в Соединенных провинциях ностальгической тоске по когда-то процветавшей колонии, величие которой олицетворяла фигура Иоганна-Морица. В самой же Бразилии после того, как ее покинули голландцы, о нем вспоминали как о справедливом и добром правителе, а достойные сожаления черты его правления связывались с подозреваемыми в злодеяниях советниками принца [Cabral de Mello 1986: 330–332]. В дальнейшем Бразилия также использовалась в качестве экономической модели, на которую в своих колониальных предприятиях опирались как сами голландцы, так и представители других стран. Например, специфика формирования нидерландской колонии в Суринаме была напрямую связана с плантационной колонией в Бразилии, а некогда процветавшая там сахарная индустрия была вдохновляющим примером для колоний Франции и Англии в Карибском бассейне (ср. [Schwartz 2014: 41–58]).

Основание карибских колоний этих стран в 1620–1630-х годах происходило одновременно с войной голландцев с пиренейскими державами за контроль над Бразилией. Поэтому можно лишь догадываться, обусловил ли этот конфликт возникновение указанных колоний — в особенности потому, что до восстановления независимости Португалии в 1640 году противником голландцев в Бразилии была монархия испанских Габсбургов. Очевидно, что она не задействовала в Бразилии много кораблей или солдат, которых при ином развитии событий можно было бы направить на защиту от внешнего вторжения с Малых Антильских островов. Несмотря на это, Испания испытывала «имперское перенапряжение»¹² задолго до того, как голландцы напали на Баию и Ресифи, и война в Бразилии наверняка лишь обострила финансовые тяготы испанцев [Klooster 2014a: 38–39].

«Имперская» составляющая Нидерландской Атлантики, столь наглядно проявившаяся в Бразилии, детально рассмотрена в первых четырех главах книги. В главе 1 будет представлен обзор начального периода голландской империи в Атлантике и взаимодействий между различными империями. Глава 2 посвящена впечатляющему становлению нидерландского владычества в Африке и Америке в 1620-х — середине 1640-х годов. В главе 3 изложена история постепенного упадка имперской мощи голландцев. Во всех этих сюжетах нидерландское присутствие в Атлантическом мире стимулировалось и сдерживалось войнами. В Атлантике голландцы пришли на смену англичанам елизаветинской эпохи¹³, хотя предпочтительной мишенью для них

¹² «Имперское перенапряжение» (*англ.* imperial overstretch) — термин, введенный британским историком международных отношений П. Кеннеди в монографии «Возвышение и падение великих держав» (1987 год), и концепция, основанная на предположении о том, что чрезмерные военные расходы и затраты ресурсов, необходимые для удержания несоизмерно обширных территорий, приводят к кризису и распаду великих держав. См.: Kennedy P. *The Rise and Fall of the Great Powers*. N.Y., 1987. — *Прим. ред.*

¹³ Правление королевы Елизаветы I (1558–1603) вошло в историю как ранний этап английской торговой экспансии, проходившей на фоне англо-испанской войны (1585–1604), в ходе которой англичане атаковали испанские владения в Новом Свете. — *Прим. ред.*

были не испанские, а португальские корабли, поселения и торговые форпосты. Войны, которые Соединенные провинции вели в XVII веке, невозможно осмыслить в отрыве от их атлантической составляющей. Военное противостояние голландцев силам Габсбургов в Африке и Америке было продолжением конфликтов в Европе, однако в ходе второй англо-голландской войны и войны с вернувшейся независимостью Португалией проблемы, связанные с колониями, выходили на первый план уже в метрополии. Люди, которые создавали и сохраняли нидерландскую колониальную империю в этом атлантическом испытании, станут основными персонажами главы 4, где будет представлено всеобъемлющее описание жизненного уклада военных и моряков.

В оставшихся главах будет рассмотрено взаимодействие голландцев с другими странами и народами. Следуя за спросом и предложением, нидерландские купцы пересекали океан в поисках товаров и рынков и в процессе, как будет показано в главе 5, превратились в главных работоторговцев Атлантики. С этой мобильностью торговцев резко контрастировало нежелание нидерландцев переселяться в Америку, о чем пойдет речь в главе 6. Как следствие, располагавшиеся там колонии в значительной степени зависели от иммигрантов из других европейских стран либо иных колоний в Америке — в подавляющем большинстве эти люди не были кальвинистами. Веротерпимость в голландских колониях вводилась для того, чтобы справиться с религиозным разнообразием, однако она всегда оспаривалась пасторами Нидерландской Реформатской церкви¹⁴, а порой и ограничивалась либо запрещалась светскими властями, которые опасались конфессионального раскола среди колонистов, а то и появления некоей «пятой колонны». Кроме того, несмотря на то что жизнь голланд-

¹⁴ Реформатская церковь (учение которой было основано на принципах кальвинизма) формально не являлась государственной церковью в Соединенных провинциях, однако получила привилегированный статус: заняла захваченные у католиков в ходе Реформации храмы, имела привилегию проводить публичные богослужения, а также тесную связь с властными структурами: к ней должны были принадлежать люди, занимавшие государственные должности в республике. — *Прим. ред.*

цев в колониях стала зависеть от представителей небелых рас (о чем будет сказано в главе 7), преобладало представление, согласно которому индейцы и африканцы не соответствовали критериям цивилизованности, равно как и ревностное стремление превратить этих людей в товар, следствием чего становились дискриминация, порабощение и кровопролитие. Наконец, в эпилоге будет сделан акцент на том, что насилие — как в традиционных, так и в непривычных формах — стало главной характеристикой колониальной жизни. Несмотря на множество дружественных взаимосвязей, которые голландцы в XVII веке сформировали с иноземными территориями и народами, их звездный час в Атлантике был эпизодом, наполненным насилием.

Глава 1

Лев, спущенный с цепи

25 августа 1599 года шестеро изнуренных продолжительными лишениями старших офицеров нидерландского флота, находившегося в Магеллановом проливе, решили учредить «Братство льва, спущенного с цепи»¹. Они поклялись друг другу, что никакая опасность, нужда или страх смерти не заставят их действовать в ущерб процветанию отечества или той экспедиции, которую они предприняли. Их намерение, как следовало из дальнейших слов клятвы, с самого начала заключалось в том, чтобы нанести максимально возможный ущерб «извечному врагу» — Испании, налагая голландскую длань на те земли Нового Света, где копилась сокровища испанского короля, направлявшиеся на ведение затяжной войны с Нидерландами. Принесшие клятву офицеры вырезали свои имена на памятной табличке, водруженной на высокую опору, откуда эту надпись можно было разглядеть с проходивших мимо кораблей².

¹ *Нид.* Broederschap van den Ontbonden Leeuw, можно также перевести как «Братство освобожденного льва». — *Прим. ред.*

² См. [Potgieter 1600]. Ступая на ту или иную территорию, где не было ясных признаков того, что она принадлежит другим христианским нациям, голландцы не могли полагаться на сложившиеся ритуалы. Тем не менее церемония, которая состоялась в Магеллановом проливе, напоминает еще одно похожее событие, имевшее место годом ранее на острове Маврикий в Индийском океане. Тогда вице-адмирал нидерландского флота, направлявшегося в Ост-Индию, прибил к дереву доску с гербами Амстердама, Голландии и Зеландии. На этой доске нидерландские моряки вырезали надпись на испанском языке о своих религиозных убеждениях (см. [Seed 1995: 166]). Что касается льва, то он одновременно выступал и распространенным символом в нидерландской геральдике, и привычной частью названий кораблей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru